

К. Н. Скворцов

Исследования ранней зоны могильника II—XII вв. Березовка (Калининградская область, Россия) в 2004 году

Keywords: Pregolya River valley, Roman Time, Great Migration Period, Sambian-Natangian culture, amber trade.

Cuvinte cheie: valea râului Pregolya, epoca romană, epoca migrațiilor, cultura Sambia-Natangia, comerțul cu chihlimbar.

Ключевые слова: долина реки Преголя, римское время, эпоха Великого переселения народов, самбийско-натангийская культура, янтарная торговля.

K. N. Skvorzov

Excavations of the Early Zone of Berezovka Burial Ground (2nd—12th Cent.) (Kaliningradskaya Oblast, Russia) in 2004

This article is aimed to introduce into scientific discourse the results of the research of burial ground Berezovka/Gross Ottenhagen dated to the 2nd—12th cc. conducted in 2004. According to the results of work in the eastern and western parts of the Berezovka burial ground, we can make preliminary conclusion that originally this burial ground contained more than 500 burials. According to data of geophysical investigations in the neighborhood, we can conclude that there may be more than 100 undisturbed burial complexes. Burials dated to the Roman Time, that were investigated at Berezovka burial ground in season 2004, give us a wealth of material for study. Along with the burials that are traditional for certain stages of development of Sambian-Natangian Culture in the Roman Time, some new elements of the funeral rite occur on Berezovka burial ground, clearly indicating contacts with other synchronous cultures. These findings allow to clarify and to a certain degree to reconstruct the processes of social and cultural transformation that took place in the territories of the Pregolya River valley in the Roman Time.

K. N. Skvorzov

Cercetările sectorului timpuriu al necropolei din sec. II—XII de la Beriozovka (regiunea Kalinigrad, Rusia) din anul 2004

Prezentul articol introduce în circuitul științific rezultatele cercetărilor din necropola plană de sec. II—XII de la Beriozovka (Gross Ottenhagen) din anul 2004. Rezultatele săpăturilor din sectoarele de vest și est ale sitului permit o evaluare preliminară a numărului de morminte din necropolă, care poate fi mai mare de 500. Conform rezultatelor cercetărilor geofizice, pe teritoriul învecinat se mai pot situa nu mai puțin de 100 morminte intacte. Complexele funerare din perioada romană, cercetate în Beriozovka în campania anului 2004, ne oferă un material bogat pentru studiu. Împreună cu complexele, care pot fi considerate tradiționale pentru anumite etape de evoluție a culturii Sambia-Natangia, în cadrul necropolei se mai întâlnesc și morminte cu elemente absolut noi ale ritului funerar, care prezintă indicii clare pentru existența contactelor cu alte culturi sincrone. Materialele cercetărilor ne permit să clarificăm, și într-o oarecare măsură, să reconstruim, acele procese de transformare socială și culturală, care aveau loc în valea râului Pregolya în perioada romană.

К. Н. Скворцов

Исследования ранней зоны могильника II—XII вв. Березовка (Калининградская область, Россия) в 2004 году

Целью данной статьи является введение в научный оборот результатов исследований грунтового могильника II—XII вв. Березовка/Gross Ottenhagen в 2004 году. По результатам работ в восточной и западной частях памятника можно сделать предварительные выводы о том, что первоначально на данном могильнике могло насчитываться более 500 погребений. Согласно данным геофизических исследований, на прилегающей территории может находиться еще не менее 100 непогребенных захоронений. Погребальные комплексы римского времени, исследованные на могильнике Березовка в сезоне 2004 г., дают нам богатый материал для изучения. Наряду с традиционными для определенных этапов развития самбийско-натангийской культуры римского времени комплексами, на могильнике встречаются и погребения с совершенно новыми элементами погребального обряда, явно свидетельствующие о контактах с другими синхронными культурами. Материалы данных исследований позволяют прояснить и в некоторой степени реконструировать процессы социальной и культурной трансформации, происходившие на территориях в долине реки Преголя в римский период.

Исследования грунтового могильника Березовка (бывший Гросс Оттенхаген, округ Кенигсберг¹, нем. Gross Ottenhagen, Kr. Königsberg) проводились Самбийско-Натангийской экспедицией Калининградского областного историко-художественного музея под руководством автора настоящей статьи совместно с Кильским университетом (Германия), при технической поддержке Археологического музея земли Шлезвиг-Гольштейн, (замок Готторф, Германия) на протяжении полевых сезонов 2003—2004 гг. Финансирование работ осуществлялось на средства исследовательского гранта Фонда Цайт Штифтунг (нем. Zeit Stiftung) (Германия). В работах принимали участие студенты исторического факультета Калининградского государственного университета и Института праистории Университета Христиана Альбрехта в городе Киль. Руководителем раскопок с германской стороны выступал аспирант Кильского университета Тимо Ибсен².

Грунтовый могильник Березовка располагается на восточной пологой части мощной моренной возвышенности, занимающей левый берег безымянного ручья у левого притока реки Преголя, в 95 м к северо-востоку от восточной окраины поселка Березовка, в 100 м от автостреды Калининград-Знаменск (рис. 1).

Данный памятник был вновь выявлен в конце XX века, в послевоенное время его местоположение известно не было. Согласно довоенной документации, первые древние погребения были обнаружены в 1928 г., в ходе разработки одного из гравийных карьеров, располагавшегося северо-восточнее деревни Гросс Оттенхаген (нынешний пос. Березовка). В этом же году, а также в 1930 г., на могильнике были проведены раскопки. Руководил работами оба сезона немецкий археолог Герберт Янкун. Согласно изученным материалам из архива Г. Янкуна³, в ходе проведенных им работ было обследовано 91 погребение, с датами в интервале от II по VIII вв. н. э. Большая часть обнаруженных погребений относилась к фазе В по О. Тышлеру и была представлена трупоположениями северной ориентировки под каменными кладками,

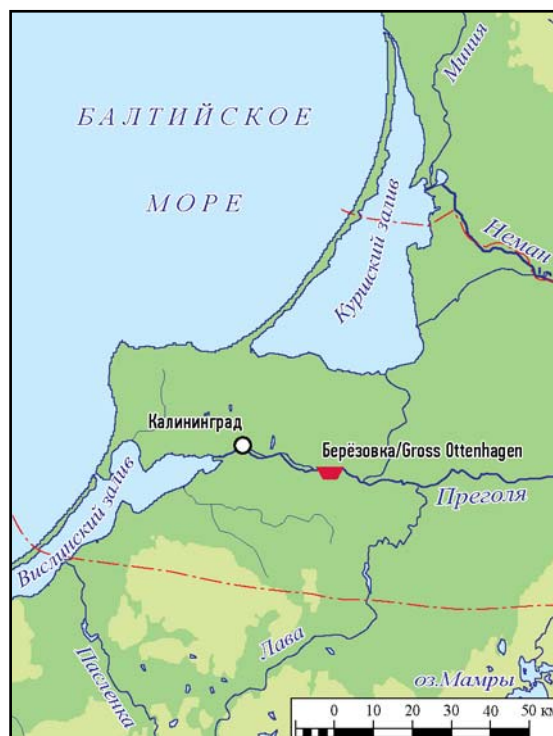

Рис. 1. Местоположение могильника Березовка.

Fig. 1. Location of Berezovka burial ground.

мужские погребения выступали зачастую в сопровождении захоронений лошадей, располагавшихся с запада от могил всадников. Кроме этого, были обнаружены 20 погребений, совершенных по обряду кремации и датированных по сопровождавшему их инвентарю фазой Е западнобалтской хронологии (450/475—650/675 гг.) по Е. Окуличу (Okulicz 1988: 107—109), из них около 8 мужских комплексов выступали в сопровождении лошадей (Ibsen 2003: 7—10; Ibsen, Skvorzov 2004).

Находки, обнаруженные в ходе двух полевых сезонов 1928 и 1930 годов, за исключением двух комплексов, опубликованы не были. Они поступили на хранение в «Музей Пруссия» в Кёнигсберге и, вероятнее всего, были уничтожены в 1945 году. После изучения полевой документации Г. Янкуна, находящейся вместе с его личным архивом в Археологическом музее земли Шлезвиг-Гольштейн с 1991 г., удалось реконструировать общую ситуацию на исследованном Г. Янкуном участке могильника и привязать ее к современному данным. Местоположение раскопок 1928 и 1930 гг. приходится на центральную часть ныне заброшенного гравийного карьера, который эксплуатировался в послевоенное время вплоть до 70-х годов XX века, а в настоящее время используется как стихийная свалка (рис. 2). К 2013 году площадь карьера составила более 2000 кв. м. Его дно и борта в значительной сте-

¹ С 1939 года — округ Замланд.

² В настоящее время доктор Тимо Ибсен является научным сотрудником центра Балтийской и Скандинавской археологии в г. Шлезвиг, Германия.

³ На сегодняшний день хранящегося в Археологическом музее земли Шлезвиг-Гольштейн.

№4. 2014

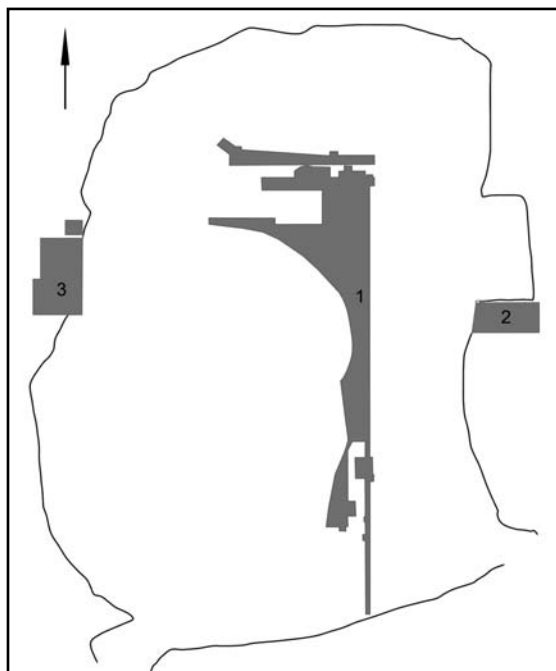

Рис. 2. План раскопов, исследованных на могильнике Березовка: 1 — раскоп 1928 и 1930 гг.; 2 — раскоп 2003 г.; 3 — раскоп 2004 г.

Fig. 2. Plan of excavations on Berezovka burial ground: 1 — seasons 1928, 1930; 2 — season 2003; 3 — season 2004.

пени задернованы и поросли деревьями и кустарником.

Необходимо также отметить, что в течение последних лет требования к методике раскопок значительно повысились, и в ходе изучения могильника Березовка были использованы новейшие методы исследования. Так, например, на начальном этапе работ вся территория, прилегающая к карьере, была разбита на квадраты 10×10 м для проведения геомагнитного обследования территории могильника. Работы выполнялись специалистами из Геттингенского университета. Подобного рода геомагнитные исследования памятника археологии на территории Калининградской области проводились впервые.

В общей сложности в ходе полевых сезонов 2003—2004 гг.⁴ на могильнике была вскрыта площадь в 328,2 кв. м, в границах которой изучены 16 погребальных комплексов, совершенных по обряду кремации, и 3 трупоположения. Среди погребений наиболее ранними комплексами являются трупоположения фазы B_2/C_1 т. е. 150—200 гг. по К. Годловскому⁵, а самый позд-

⁴ Краткая информация о предварительных результатах данных исследований была опубликована в 2004 г. (Ibsen, Skvorzov 2004).

⁵ Для датировки погребальных комплексов могильника Березовка римского времени использована

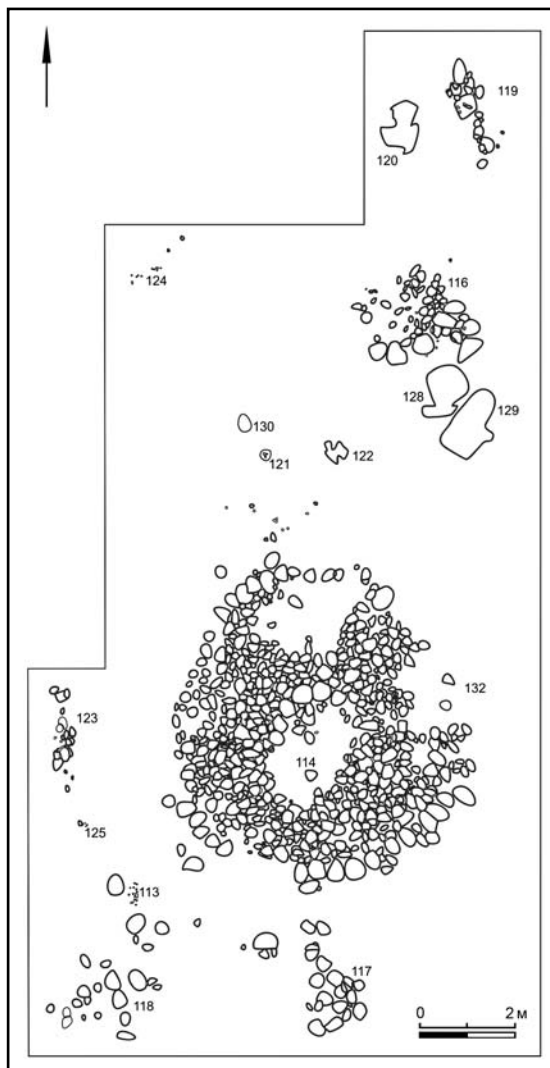

Рис. 3. План раскопа № III.

Fig. 3. Plan of excavation no. III.

ний материал представлен двухярусными безурновыми трупосождениями, выступавшими в сопровождении конских захоронений, первоначально датированными X — началом XI вв. н. э.⁶ (Ibsen, Skvorzov 2004).

В 2003 году был исследован раскоп II⁷ на восточном срезе карьера. В раскопе было обнаружено 9 двухярусных захоронений XI—XII/XIII вв. и 4 ямы.

Данная статья посвящена исследованиям 2004 г., которые проводились в ранней

хронологическая система, разработанная К. Годловским (Godłowski 1970; 1985; 1988).

⁶ Впоследствии на основании детального анализа результатов исследований, первоначальная датировка поздних погребальных комплексов была уточнена: XI—XII/XIII вв. н. э.

⁷ Нумерация раскопов в 2003—2004 гг. велась с учетом нумерации раскопов Х. Янкуна.

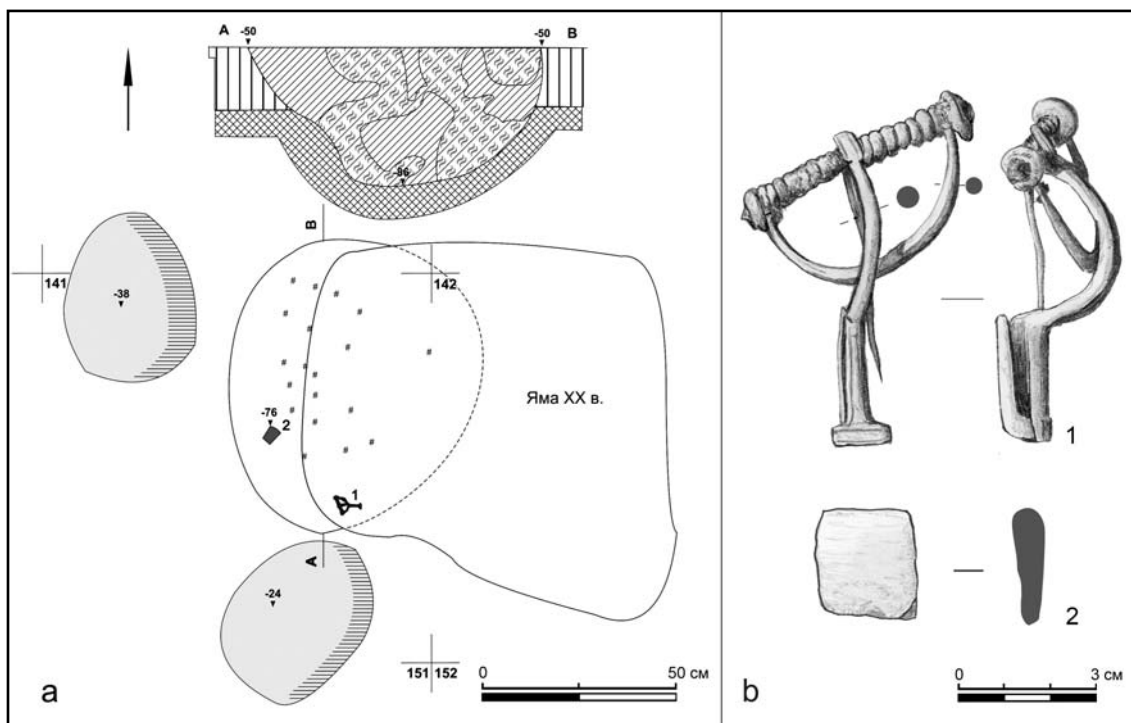

Рис. 4. Погребальный комплекс Gr.Ott.-113: а — план и профиль Gr.Ott.-113; б — находки из Gr.Ott.-113: 1 — фибула бронзовая; 2 — фрагмент сосуда.

Fig. 4. Burial complex Gr.Ott.-113: а — plan and profile Gr.Ott.-113; б — finds from Gr.Ott.-113: 1 — bronze fibula; 2 — fragment of ceramic pot.

зоне могильника в границах раскопа III, в западной части карьера. В пределах этого раскопа было исследовано 3 труположения фазы B_2/C_1 и 7 трупосожжений фаз B_2/C_1 -Е. (т.е. 150—200 и 450/475—650/675 гг.) (рис. 3).

В целом на могильнике выделяется три типа погребений: ингумации с северной ориентировкой (или близкой к северной), урновые и безурновые кремации. Наиболее ранними комплексами, выявленными на могильнике в ходе сезона 2004 г., являются ингумации и кремации, датированные временем около второй половины II в. н.э., т.е. фазой B_2/C_1 .

Целью данной статьи является введение в научный оборот результатов исследований 2004 года, для чего перейдем к описанию погребальных комплексов, обнаруженных в этом сезоне.

В рамках раскопа III, находившегося в западной части карьера, ориентированного по оси север-юг, на площади 203,2 кв. м. было обнаружено семь погребальных комплексов⁸. Одним из них являлась разрушенная безурновая кремация **Gr.Ott.-113** (рис. 4), в составе инвентаря которой были обнаружены фрагмент стенки лепного керамического сосуда

(№ 523) неравномерного серо-коричневого цвета, с подлощенной внешней поверхностью (рис. 4б: 2) и бронзовая арбалетовидная фибула (№ 113.1) с крестовидным окончанием ножки (рис. 4б: 1). Судя по форме спинки фибулы, она относится к наиболее ранним экземплярам фибул с крестовидным окончанием ножки.

По типу фибулы данный разрушенный комплекс датируется началом VI в. н.э., или фазой 6 для культуры Доллькайм-Коврово⁹ по В. Новаковскому (Nowakowski 1996: Taf. 107; Скворцов 2010: 41—46).

Под крупной каменной кладкой¹⁰ была обнаружена частично разрушенная кремация всадника **Gr.Ott.-114**¹¹, совершенная на месте,

⁸ Объекты, не связанные непосредственно с функционированием некрополя, в данном тексте не учитываются.

⁹ Так в Европе принято называть культуру римского времени и эпохи Великого переселения народов с центром на Самбийском полуострове. В публикациях российских ученых, как правило, используется название «самбийско-натангийская культура».

¹⁰ Кладка состояла из 595 валунов средних и крупных размеров (до 0,45 м) и имела диаметр сохранившейся части около 7 м. Ее высота достигала 0,5 м от древней дневной поверхности.

¹¹ В первоначальной полевой документации данный комплекс имел номер 110, под которым был опубликован в одной из первых работ (Ibsen, Skvortsov 2004).

которую сопровождало захоронение двух коней **Gr.Ott.-114 A** (рис. 5).

В пользу того, что кремация была совершена на месте, свидетельствует массив прокаленного песка красноватого цвета, занимавший практически всю площадь под кладкой. Подобный окрас песка мог возникнуть при термическом воздействии на него с доступом кислорода. Также характерно то, что данный песок содержал следы горения (мелкий древесный уголь и золу). Непосредственно на дне ямы были обнаружены крупный позвонок, обломки ребер и крупные кальцинированные кости черепа. Стоит отметить тот факт, что к юго-западу от кремации всадника было обнаружено еще одно скопление кальцинированных костей в линзе прокаленного песка с включениями кусочков древесного угля (рис. 5a).

В центре ямы, там же, где выявлено большое количество средних и крупных кальцинированных костей, были обнаружены многочисленные фрагменты лепных керамических сосудов, большая часть из которых сохранила следы пребывания на погребальном костре. Впоследствии, при камеральной обработке, из них удалось собрать шесть фрагментированных сосудов-приставок:

— лепной сосуд серо-охристого цвета, со следами вторичного обжига, частично ошлакованный и деформированный, в примеси мелкая дрсва, слюда, кварц, органика, внешняя поверхность первоначально лощеная, украшен валиком под шейкой, с двухчастной ручкой, закрепленной на шпонке (рис. 5b: 13);

— лепной сосуд серо-коричневого цвета, неравномерного обжига, в примеси мелкая слюда, дрсва и органика, внешняя поверхность лощеная, изнутри заглажен (рис. 5b: 14);

— лепной сосуд серо-охристого цвета, со следами вторичного пребывания в огне, частично ошлакованный и деформированный, в примеси мелкие и средние фракции дресвы, органика, первоначально внешняя поверхность лощеная, украшен выше перелома прорезным орнаментом состоящим из заполненных треугольников и зигзагов (рис. 5b: 16);

— лепной сосуд серо-коричнево-охристого цвета, равномерного обжига, в примеси дрсва различных фракций, органика, слюда, внешняя поверхность лощеная, изнутри затирка, украшен под шейкой прорезным орнаментом, под шейкой находится ручка, закрепленная на шпонках (рис. 5b: 15);

— лепной сосуд серо-коричнево-желтого цвета, неравномерного обжига, в примеси мел-

кая дрсва, органика, песок, внешняя поверхность лощеная (рис. 5b: 18);

— крупные фрагменты лепного сосуда серо-охристого цвета, равномерного обжига, в примеси мелкая дрсва, органика, внешняя поверхность лощеная (рис. 5b: 17).

Кроме этого, в составе кремации Gr.Ott.114 также были обнаружены фрагменты некомплектных лепных сосудов: фрагмент венчика сосуда серо-охристого цвета (№26); фрагмент венчика чернолощеного сосуда (№502); фрагмент стенки чернолощеного сосуда (№685); фрагмент стенки серо-охристого груболепного сосуда (№594).

В центральной части ямы в переотложенном состоянии были обнаружены многочисленные мелкие фрагменты изделий из металла, из которых стоит упомянуть, те фрагменты, которые удалось идентифицировать. К ним относились: железная заклепка умбона щита (№641; рис. 5b: 6); мелкие фрагменты поля железного умбона щита с остатками ткани, пропитанной солями железа (№654—655); фрагмент железного ножа (№19; рис. 5b: 10); фрагмент рукояти второго ножа с остатками дерева (№720; рис. 5b: 11); фрагмент втулки наконечника железного копья (№678; рис. 5b: 4); фрагмент бронзового кольца группы I по К. Бекманну. (№8; рис. 5b: 5), бронзовый наконечник ремня, относящийся к группе Раддатц J IV 4, с датировкой B2/C1 и C1, т.е. 150—260 гг. (Raddatz 1957: 89, Abb.2.1, 103) (№58; рис. 5b: 7).

К юго-западу от основного скопления находок, в линзе прокаленного песка с включением кусочков древесного угля и кальцинированных костей, была обнаружена *in situ* пара бронзовых фибул (№861, 837) со следами пребывания на погребальном костре, близких фибулам типа Альмгрен III, 62—64, являющихся самыми поздними, дегенеративными вариантами застежек так называемой «прусской серии», получившими распространение в регионе Нижней Вислы и на Самбийском полуострове и бытовавшими вплоть до фаз B2/C1-C1a (Jamka 1964: 66—67) (рис. 5b: 2, 3).

На основании того, что наличие парных фибул является характерным признаком женских погребений римского времени в ареале самбийско-натангийской культуры, а также судя по отдельному скоплению кальцинированных костей, мы можем заключить, что всадническая кремация Gr.Ott.-114 сопровождалась женским захоронением.

Рядом с кремацией Gr.Ott.-114 была обнаружена сильно профилированная бронзовая фибула (№728) типа A IV,93 (рис. 5c: 12), ко-

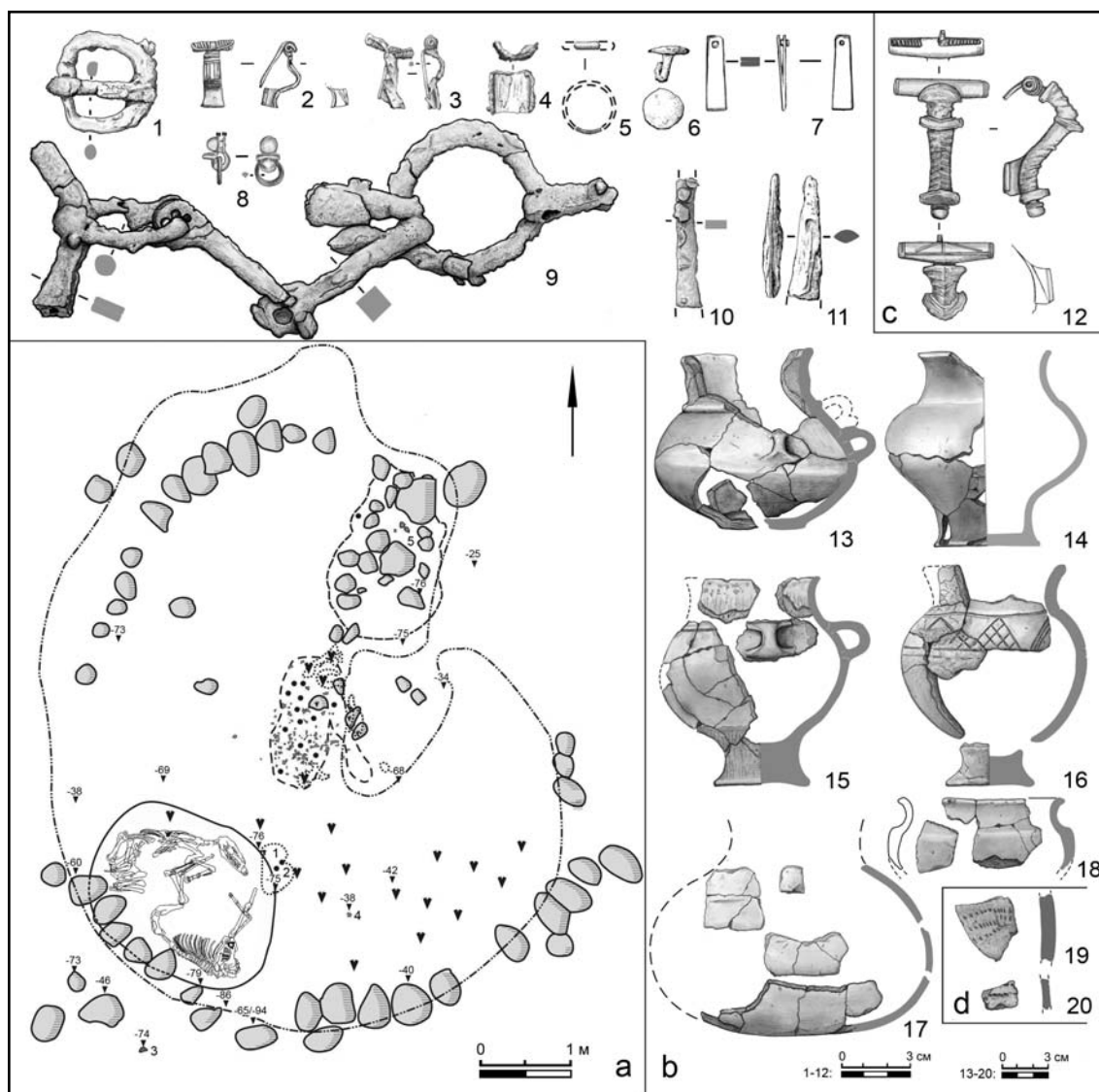

Рис. 5. Погребальный комплекс Gr.Ott.-114 и Gr.Ott.-114A: а — план комплекса Gr.Ott.-114 и Gr.Ott.-114A, нижний горизонт; б — погребальный инвентарь комплекса Gr.Ott.-114 и Gr.Ott.-114A (инвентарь конского захоронения Gr.Ott.-114A: 1 — пряжка подпружная железная; 8 — обоймица бронзовая с серебряной обтяжкой заклепки; 9 — удила железные; инвентарь захоронения Gr.Ott.-114: 2, 3 — фибулы бронзовые; 4 — фрагмент втулки наконечника копья железного; 5 — фрагмент кольца бронзового; 6 — заклепка железная от умбона; 7 — наконечник ремня бронзовый; 10 — фрагмент черенка ножа железного; 11 — фрагмент черенка ножа железного с остатками деревянной рукояти; 13—16, 18 — сосуды-приставки; 17 — фрагменты лепного сосуда); с — бронзовая фибула, обнаруженная рядом с комплексом Gr.Ott.-114, Gr.Ott.-114A; д — фрагменты лепных орнаментированных сосудов, обнаруженные рядом с Gr.Ott.-114, Gr.Ott.-114A.

Fig. 5. Burial complex Gr.Ott. -114 and Gr.Ott.-114A: a — plan of Gr.Ott.-114 and Gr.Ott.114A, bottom level; b — finds from Gr.Ott.-114 and Gr.Ott.-114A (finds from horse burial Gr.Ott.-114A: 1 — iron girth buckle; 8 — silver-plated bronze detail of harness; 9 — iron bit; finds from burial Gr.Ott.-114: 2, 3 — bronze fibulae; 4 — fragment of bush of iron spearhead; 5 — fragment of bronze ring; 6 — iron rivet; 7 — bronze belt tip; 10 — stem of an iron knife; 11 — fragment of stem of an iron knife with remains of a wooden haft; 13—18 — ceramic pots); c — bronze fibula found near Gr.Ott.-114, Gr.Ott.-114A; d — fragments of ceramic pots with ornamental pattern, found near Gr.Ott.-114, Gr.Ott.-114A.

торая также могла изначально входить в состав данного комплекса. Подобная застежка входила в состав инвентаря кремации № 19, датированной фазой B2, грунтового могильника Карьерное (быв. Имтен, округ Велау) (Jankuhn Archiv). Данный памятник, так же, как и могильник Березовка, расположен неда-

леко от левого берега реки Преголя на территории исторической Натангии.

Также рядом с кремацией, на северной границе каменной кладки, были обнаружены два фрагмента лепных сосудов неолитического облика: фрагмент стенки сосуда (№ 583), серого цвета, со следами вторичного обжига, укра-

шенный штампованным орнаментом, и фрагмент стенки сосуда (№614) серо-охристого цвета, неравномерного обжига, украшенный оттисками шнура (рис. 5d). Подобного рода декор присущ традициям культуры западно-балтийских курганов эпохи раннего железа (Hoffmann 1999: Tab. VI: 6; XIII; XIX: 13).

Захоронение двух коней **Gr.Ott.-114A** было совершено раньше, чем кремация всадника, так как оно находилось непосредственно под слоем прокаленного песка. Два конских костяка располагались на дне овальной ямы размерами 1,6×1,3 м и глубиной около 0,84 м. Конский костяк, расположенный в северной части ямы, лежал на боку, головой на юго-восток, ноги были подогнуты под тело. По определению док. биол. наук А.В. Зиновьева, он принадлежал коренному самцу в возрасте 3,5—4 лет, ростом 126—128 см в холке (Zinoviev 2009: 50—55). В районе брюха конского костяка была обнаружена железная подпружная пряжка (№889) (рис. 5b: 1).

Второй костяк располагался в южной части ямы, также головой на юг. Согласно заключению А.В. Зиновьева, он принадлежал более грацильному, тонконогому самцу в возрасте 3,5—4 лет, ростом в холке 129—131 см (Zinoviev 2009: 50—55). Непосредственно в зубах черепа конского костяка находились железные кольчатые удила (№882) (рис. 5b: 9).

Рядом с конским захоронением, у края кладки была найдена бронзовая обоймица заклепки (№616) с серебряной обтяжкой, по гребню украшенная вбитой серебряной проволокой (рис. 5b: 8). Не исключено, что она изначально также могла входить в состав комплекса **Gr.Ott.-114**. В ареале самбийско-натангийской культуры схожие обоймицы зачастую обнаруживаются в составе конских захоронений, отнесенных В. Новаковским к I фазе (B2) ее существования, и в ряде случаев выступают как крепежные элементы для цепей поводий (La Baume 1944: 4—6, Abb. 5: f, k; 7: a, b; Nowakowski 1996: 56). Также подобные обоймицы не являются редкостью и в скандинавских материалах, например, в находках с острова Готланд, однако, там они выступают в качестве крепежных элементов для питьевых рогов (Almgren, Nerman 1923: Taf. 18: 278; 19: 285, 289, 290). Подобная обоймица происходит из ареала пшеворской культуры, из местечка Чеканов, воеводство Калиш, где она также входила в состав конского гарнитура вместе с удилами типа Vimose, датированными фазой C1 (Wilbers-Rost 1990: 120—122, 188, 219, Taf. 5: A). Появление таких удил в ареале пшеворской культуры С. Вильбер-

Рост, вслед за другими исследователями, связывает с функционированием Янтарного пути (Jazdzewski 1980: Abb. 2; Wilbers-Rost 1990: 122).

Подкурганное захоронение **Gr.Ott.-114** представляет собой весьма специфический погребальный комплекс, сочетающий в себе как черты, свойственные самбийско-натангийской культуре раннеримского времени, так и черты, характерные для других культур¹², и по фибулам Альмгрен III, 62 датируется периодом B2/C1.

Еще один погребальный комплекс, обнаруженный в ходе исследований ранней зоны могильника Березовка, состоял из двух кремаций **Gr.Ott.-116A**, **Gr.Ott.-116B** и разрушенной ингумации **Gr.Ott.-116C** (рис. 6), имел общие размеры около 2,8×1,6 м, и также был перекрыт каменной кладкой, хотя и куда более скромной, чем описанный выше (рис. 6е).

Ингумация Gr.Ott.-116C являлась наиболее ранним погребением комплекса, и в южной и центральной части была разрушена более поздними кремациями **Gr.Ott.-116A** и **Gr.Ott.-116B** (рис. 6d). Относившийся к ингумации фрагмент человеческой берцовой кости был обнаружен на камнях, в юго-восточной части кладки. Также в верхней части заполнения могилы были обнаружены немногочисленные мелкие кальцинированные кости. К погребальному инвентарю захоронения относились:

— две золотостеклянные бусины (№564, 565), одна из которых сохранилась вместе с фрагментом нити (рис. 6а: 1, 2). Данные бусины относятся к типу ТМ387а, они возникают в период B1, время их наибольшего бытования приходится на период B2, а заканчивается в период C1b (Tempelmann-Maczyńska 1985: 94, Tab. 8);

— одна мозаичная бусина (№511) типа ТМ291b (рис. 6а: 3), максимальное их распространение приходится на период B2—B2/C1-C1a;

— фрагменты серолощеного лепного сосуда-приставки (№840), равномерного обжига, украшенного прорезным орнаментом (рис. 6а: 4—9). Такого рода отделки и орнаментация характерна для ряда форм керамических сосудов местной культуры раннеримского времени.

Предварительная датировка данной ингумации, судя по остаткам погребального ин-

¹² Подробное описание и интерпретация данного комплекса представлены в отдельной статье (Скворцов, Ибсен 2010).

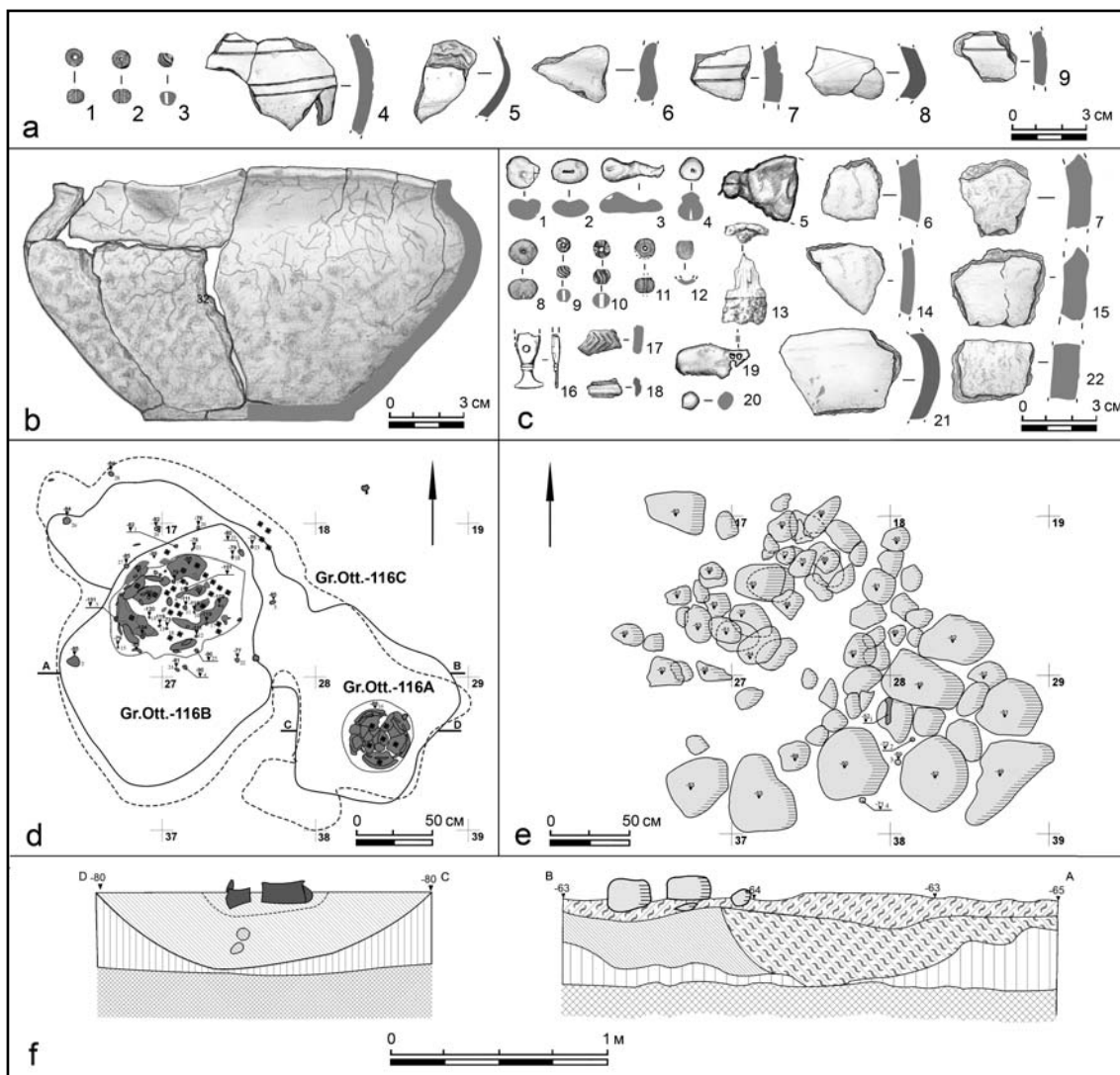

Рис. 6. Погребальный комплекс Gr.Ott.-116: а — находки из комплекса Gr.Ott.-116C (1, 2 — бусины золото-стеклянные; 3 — бусина мозаичная; 4—9 — фрагменты сосуда-приставки); б — находки из Gr.Ott.-116A (урна погребальная керамическая лепная); в — находки из Gr.Ott.-116B (1 — бусина стеклянная; 2 — бусина глухого стекла; 3—5 — бусины стеклянные оплавленные; 6, 7, 14, 15, 17, 21, 22 — фрагменты сосудов керамических лепных; 8, 11, 12 — бусины золото-стеклянные; 9, 10 — бусины мозаичные; 13 — фрагмент предмета железного (ножа?) с остатками дерева; 16 — фрагмент накладки бронзовой; 18 — фрагмент браслета бронзового; 19 — оплавок изделия бронзового; 20 — оплавок бронзовый); д — план комплекса Gr.Ott.-116; е — план каменной кладки комплекса Gr.Ott.-116; ф — профили объектов Gr.Ott.-116A, 116B, 116C.

Fig. 6. Burial complex Gr.Ott.-116: a — finds from Gr.Ott.-116C (1—3 — beads; 4—9 — fragments of ceramic pot with ornamental pattern); b — finds from Gr.Ott.-116A (handmade ceramic urn); c — finds from Gr.Ott.-116B (1—5 — glass beads; 6, 7, 14, 15, 17, 21, 22 — fragments of ceramic pots; 8—12 — beads; 13 — fragment of iron object (knife?) with remains of wood; 16 — fragment of bronze flange sheet; 18 — fragment of bronze bracelet; 19 — fritted fragment of bronze object; 20 — fritted fragment of bronze object); d — plan of Gr.Ott.-116; e — plan of stone masonry on Gr.Ott.-116; f — profiles of Gr.Ott.-116A, 116B, 116C.

вентаря, являвшейся женской — период В2/С1 (ок. 150—200 гг.).

Еще одним погребением комплекса Gr.Ott.-116 является кремация в деревянной емкости **Gr.Ott.-116B**. Покрытое обожженной глиной, деревянное вместилище овальной формы, размерами 0,8 × 0,4 м, содержало кальцинированные кости мелких и средних размеров, и находилось на дне на дне ямы с размерами 1,98 × 1,10 м. (рис. 6: d). Среди заполнения емкости и непосредственно рядом с ней

были обнаружены многочисленные фрагменты некомплектных керамических сосудов (№843, 530, 830a¹³, 626, 869, 519, 830в, 570,

¹³ Фрагмент стенки светло-охристого сосуда с заглаженной внешней поверхностью №830a был украшен прорезным орнаментом в виде елочки. По заключению специалиста по позднему неолиту Прибалтики, канд. ист. наук Э.Б. Зальцмана, подобного рода декор на керамике на данной территории датируется серединой — второй половиной III тыс. до н.э. и относится

№4. 2014

580, 578, 588). Также были обнаружены многочисленные стеклянные бусины, часть из которых имела следы пребывания на погребальном костре, к ним относились:

— бусина стеклянная оплавленная, полупрозрачная, тип не определим (№751) (рис. 6с: 1);

— золото-стеклянные бусины типа TM387a (№747, 800, 801) (рис. 6с: 8, 11, 12);

— мозаичная бусина, типа TM291b с наибольшим периодом бытования B2 — B2/C1-C1a (№807) (рис. 6с: 9);

— оплавленная стеклянная бусина, цвет не определим, тип не определим (№811) (рис. 6с: 5);

— оплавок бусины прозрачной, тип не определим (№822) (рис. 6с: 3);

— оплавок бусины неопределимого цвета, тип не определим (№766) (рис. 6с: 4);

— бусина глухого стекла, оплавленная красная, тип не определим (№823) (рис. 6с: 2);

Находки из металла были представлены следующими фрагментами изделий из железа и бронзы:

— оплавок неопределенного бронзового предмета (№810) (рис. 6с: 20);

— фрагмент бронзового браслета с профилированными концами, относящегося к т.н. «самбийским змееголовым браслетам» — местному ювелирному феномену, восходящему своими формами к скандинавским и вельбаркским змееголовым браслетам (Raddatz 1957: Taf. 19; Anderson 1995: 80—82, fig. 47; Wolagiewicz 1995: Taf. III, 10: 4.5; Taf. IV. 12: 4.5; Taf. VII. 22; Pietrzak 1997: Taf. XI: 1; XXIV: 13—14) (№745) (рис. 6с: 18);

— фрагмент оплавленной поясной накладки в ажурном стиле, вероятно, от т.н. «самбийского пояса» (№735) (рис. 6с: 19);

— фрагмент железного предмета с остатками дерева (возможно, рукоять ножа?) (№746) (рис. 6с: 13).

Также рядом с погребением был обнаружен фрагмент обожженной поясной бронзой ладьевидной накладки (№633), типичной для гарнитуров т.н. «самбийских поясов» с датировкой в пределах фаз B2-B2/C1-C1a, которая, скорее всего, изначально входила в состав инвентаря кремации 116-B (Chilińska-Drapella 2010: 9—11) (рис. 6с: 3).

Данное погребение, выделяющееся необычностью погребального обряда, сохранившего некоторые черты ингумации, но уже

совершенного по обряду кремации, судя по характерному составу погребального инвентаря, является захоронением женщины и предварительно датируется этапом B2/C1 (ок. 150—200 гг.).

Последнее захоронение комплекса Gr.Ott.-116 было представлено урной кремацией **Gr.Ott.-116A** (рис. 6d). В центре ямы диаметром около 0,5 м и глубиной около 0,32 м располагалась груболепная керамическая урна (№844) (рис. 6b). В заполнении урны находилось плотное скопление промытых кальцинированных костей крупных и средних размеров. Предметов погребального инвентаря в урне выявлено не было. Судя по всему, она побывала на погребальном костре. Подобное отношение к керамике в погребении, в частности, не только к сосудам-приставкам, но и к погребальным урнам, и погребальному инвентарю, характерно для погребальных традиций самбийско-натангийской культуры во второй половине — конце II века. К этому времени относится смена типа погребального обряда. Обряд ингумации с северной ориентировкой, возникший в самбийско-натангийской культуре, в конце I — первой половине II вв., за сравнительно небольшой отрезок времени, начиная с середины II в., практически полностью исчезает к началу III в., сменяясь урновыми и безурновыми кремациями, с редкими исключениями. Смена типа погребального обряда, как и большинство других инноваций, возникших в самбийско-натангийской культуре в данный период, связана своим происхождением с континентальными культурами германского круга, прежде всего с пшеворской, а также со Скандинавией.

Судя по тому, что данное погребение содержало только погребальную урну, мы можем заключить, что оно могло принадлежать представителю общины, находившемуся в зависимом положении (рабу, ребенку или старику) (Skvorzov 2013: 178). Судя по форме урны и характеру погребального обряда, данный комплекс, вероятно, датируется в пределах фаз B2/C1-C1a.

Погребальный комплекс **Gr.Ott.-119**¹⁴ (рис. 7) представлял собой ингумацию, частично сохранившую остатки костяка в могиле, перекрытую небольшой каменной клад-

к культурам позднего неолита (прибалтийской периодизации). Соответственно, скорее всего, этот фрагмент попал в комплекс случайно, с древней дневной поверхности, в ходе засыпки погребения.

¹⁴ Первично информация о данном комплексе была опубликована в 2004 году, затем более подробно он был рассмотрен в работе 2010 года (Ibsen, Skvorzov 2004; Скворцов, Ибсен 2010). Данное погребение рассматривалось в контексте работы Агаты Хелинской-Драпеллы, посвященной самбийским поясам (Chilińska-Drapella 2010: 3—79).

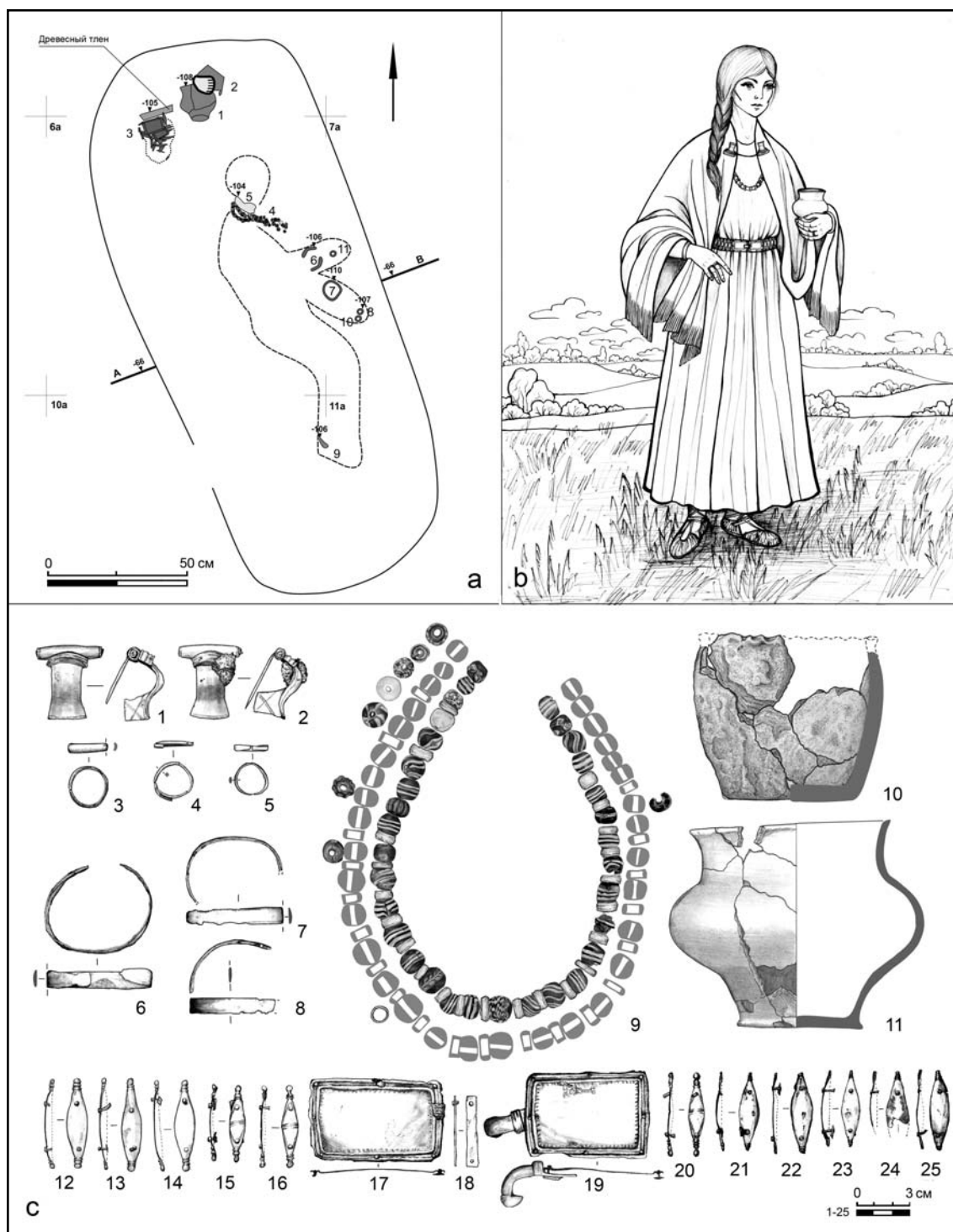

Рис. 7. Погребальный комплекс Gr.Ott.-119: а — план донной части Gr.Ott.-119; б — реконструкция женского убора из Gr.Ott.-119; в — находки из Gr.Ott.-119: 1, 2 — фибулы бронзовые; 3—5 — кольца бронзовые; 6 — браслет бронзовый; 7, 8 — фрагменты браслетов бронзовых; 9 — ожерелье из мозаичных, стеклянных, бронзовых бусин и бронзовых колец; 10 — сосуд груболепной керамический; 11 — сосуд лепной керамический лощеный; 12—25 — реконструкция положения бронзовых деталей гарнитура самбийского пояса: 12—16, 20—25 — накладки бронзовые лодочковидные; 17 — накладка поясная бронзовая с пуансонным орнаментом; 18 — накладка поясная бронзовая с пуансонным орнаментом, украшенной пуансонным орнаментом; 19 — накладка поясная бронзовая (ограничитель крючка).

Fig. 7. Burial complex Gr.Ott.-119: а — plan of bottom level of Gr.Ott.-119; б — reconstruction of female attire from Gr.Ott.-119; в — finds from Gr.Ott.-119: 1, 2 — bronze fibulae; 3—5 — bronze rings; 6 — bronze bracelet; 7, 8 — fragments of bronze bracelets; 9 — necklace of mosaic, glass and bronze beads and bronze rings; 10 — coarse ceramic pot; 11 — handmade glossy ceramic pot; 12—25 — reconstruction of arrangement of bronze details of «Sambian» girdle: 12—16, 20—25 — bronze boat-formed flange sheet; 17 — bronze flange sheet with puncheon ornament; 18 — bronze flange sheet with puncheon ornament, with a hook; 19 — bronze flange sheet (hook's limiter).

кой. На дне прямоугольной ямы размерами 2,05 × 0,86 м, и глубиной, в пределах предмета и материка равной 0,37 м, в слое серого песка с большим содержанием органики (тлен домовины и тела погребенного) был выявлен фрагмент основания свода черепа (рис. 7а). Там же были обнаружены следующие предметы погребального инвентаря:

— два лепных сосуда-приставки, расположенных в северной части ямы: серолощенный сосуд на ножке (№ 786; рис. 7с: 11) и груболепной сосуд (№ 787) светло-охристого цвета, неравномерного обжига, украшенный по венчику пальцевыми защипами (рис. 7с: 10);

— слой с включениями фрагментов древесного тлена и мелких фрагментов древесной коры размерами 0,19 × 0,11 м, который, вероятнее всего, представлял собой остатки берестяной (деревянной?) шкатулки. На Самбии известно еще две находки подобного рода шкатулок, использовавшихся, судя по всему, для заупокойных подношений, — в погребениях римского времени на могильниках Траузиттен и Викау (Jankehn 1933: 195). Находки подобных емкостей известны в римское время и на территории соседней Литвы, например, в погребении № 1 могильника Местеляй/Bagwen, датированном после 244 года (Tamulynas 2002: 130—131).

В слое, содержавшем остатки шкатулки, были обнаружены:

— бронзовый гарнитур позднего варианта т.н. «самбийского» пояса, состоящий из двух массивных накладок с крючком (№ 765, 773) украшенных по краю пуансонным орнаментом (т.н. «волчий зуб»), и ладьевидных накладок двух типов (№ 769, 770, 772, 774, 775, 778, 777, 779, 785, 780, 784) (рис. 7с: 12—17, 19—25). Пряжка данного пояса относится к типу 3с по типологии рамок Р. Мадыды-Легутко (Madyda-Legutko 1986: 157—180);

— накладка прямоугольной формы (№ 781с) с двумя заклепками, служившая ограничителем крючку (рис. 7с: 18);

— непосредственно от ремня сохранился рыхлый массив органики темно-коричневого цвета, затем, в процессе препарирования, удалось реконструировать точное расположение деталей пояса на ремне (рис. 7б);

— под поясом находилась пара бронзовых фибул (№ 783, 776) типа AV, 126, украшенных прорезными косыми крестами на иглоприемниках (рис. 7с: 1, 2). На игле одной фибулы (№ 783) сохранился фрагмент нити, соединявший эти две фибулы (?). Близкие по форме фибулы известны на южном побережье Балтийского моря с периода В2b по В2/С1 (Machajewski 1998: 193);

— на дне ямы, рядом с фрагментом основания свода черепа, находилось ожерелье (№ 729), состоящее из мозаичных, стеклянных и бронзовых бусин и бронзовых колец, основная масса которых относилась к следующим типам бусин по М. Темпельманн-Мачинской: ТМ1, ТМ163, ТМ223g, ТМ287b, ТМ291, ТМ291b, ТМ291e, ТМ35, ТМ366 и другим типам, характерным для ожерелий периода В2/С1-С1а в самбийско-натангийской культуре (рис. 7с: 9);

— в центральной части могилы, также в слое с органикой, находились три бронзовых т.н. самбийских браслета с профилированными концами поздней, дегенеративной формы (№ 789, 791, 812) (рис. 7с: 6—8);

— вдоль восточного борта ямы были найдены три бронзовых кольца, одно из которых (№ 788) можно отнести к кольцам группы I по К. Бекманну, широко представленным в европейских древностях римского времени, второе (№ 824а) относилось к типу В3 по К. Бекманну, а третье (№ 824) — к типу В33 по К. Бекманну (Beckmann 1969: 26—29) (рис. 7с: 3—5);

— в донной части ямы, в районе местонахождения ног погребенной, был выявлен фрагмент стенки лепного керамического сосуда (№ 825).

Исходя из имеющихся у нас на сегодняшний день знаний о социальном устройстве общества эстиев в раннеримское время, можно с определенной уверенностью утверждать, что данное погребение, судя по составу погребального инвентаря, могло принадлежать зажиточной замужней женщине и датируется началом периода В2/С1 (ок. 150—200 гг.) (Skvorzov 2013).

Погребение **Gr.Ott.-121** (рис. 8) представляло собой безурновую кремацию в округлой яме, в центре которой располагалось плотное скопление промытых кальцинированных костей средних и крупных размеров. Кости черепа располагались сверху (рис. 8а).

Находки, относившиеся к инвентарю кремации, были представлены тремя фрагментами стенок лепного чернолощеного орнаментированного сосуда (№ 754, 758, 758а), фрагментом стенки светло-охристого сосуда (№ 758в) (рис. 8б: 3—6), куском стекло-видного шлака (оплавок бусины?) (№ 798) (рис. 8б: 1) и сильно оплавленной бронзовой фибулой (№ 744), скорее всего, типа AV, 126. Вероятно, все эти находки были сдвинуты с места первоначального расположения в ходе сельхозработ на данной территории (рис. 8б: 2).

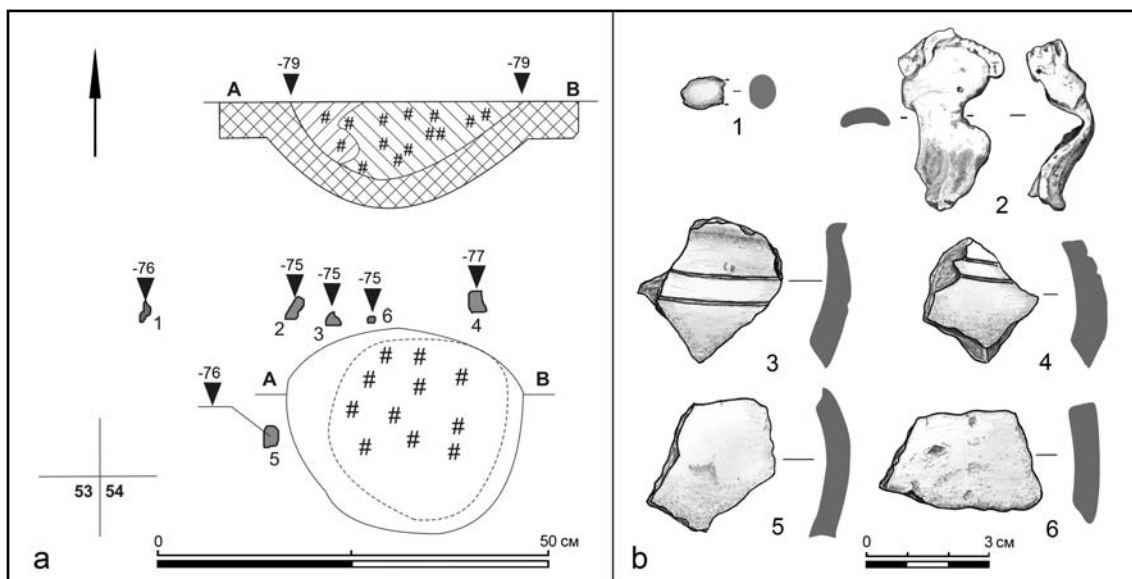

Рис. 8. Погребальный комплекс Gr.Ott.-121: а — план и профиль Gr.Ott.-121; б — находки из погребения Gr.Ott.-121: 1 — кусочек стекловидного шлака (бусина?); 2 — фибула бронзовая; 3—5 — фрагменты стенок лепного керамического чернолощеного сосуда-приставки; 6 — фрагмент лепного керамического сосуда с заглаженной внешней поверхностью.

Fig. 8. Burial Gr.Ott.-121: а — plan and profile of Gr.Ott.-121; б — finds from Gr.Ott.-121: 1 — glass fragment (bead?); 2 — bronze fibula; 3—5 — fragments of walls of a handmade ceramic black glossy pot; 6 — fragments of a handmade ceramic pot with smooth external surface.

Предварительная датировка данного комплекса по фибуле — период B2b-B2/C1 (Machajewski 1998: 193).

Еще одна ингумация ранней зоны могильника Березовка представлена комплексом **Gr.Ott.-123** (рис. 9). Погребение было перекрыто нерегулярной каменной кладкой. На дне ямы размерами 2,43 × 0,36 м в слое песка серого цвета с органикой, представляющий собой остатки тлена домовины и тела, находился раздавленный грунтом, заполнявшим могильную яму, череп (сохранившийся на 45%), лежавший на боку (рис. 9: б). В составе погребального инвентаря ингумации были обнаружены развал лепного чернолощеного сосуда-приставки (№ 836) на ножке т.н. типа Викау (нем. Тур Wiekau), украшенного прорезными линиями под шейкой (рис. 9а: 11). Сосуды типа Викау встречаются в погребальных комплексах I и II фаз самбийско-нотангской культуры по В. Новаковскому (Nowakowski 1996: 59). Данный тип сосудов находит параллели в керамике вельбарской культуры, где подобные сосуды принадлежат к группе VIII, датированной от фазы B2 до C1 (Schindler 1940: Taf. 12: 10; 16: 6, 7; Wołagiewicz 1987: 197, Abb. 8; Wołagiewicz 1993: Tab. 70). Также подобно-го типа сосуды в раннеримское время известны в Поморье, на островах Балтийского моря и в Скандинавии (Almgren, Nerman 1923: Taf. 12: 191, 192; Ardvisson 1941: 12, Bild 4;

Wołagiewicz 1981: 203, Рис. 80.5; Nowakowski 2008: 56—57, 81, Рис. 3). Рядом с сосудом были обнаружены лежавшие вместе:

— огниво из кварцита овальной формы (№ 838), на одной из сторон видны следы сработанности. Огнива подобного типа широко распространены в римское время в Скандинавии (Ilkjær 1996b: taf. 129—153) (рис. 9а: 2);

— точильный камень из песчаника средних размеров (№ 841) (рис. 9а: 3);

— бронзовая фибула (№ 837), близкая фибулам типа A148, 9 серии, V группы по Альмгрену, датирующимся по материалам пшеворской культуры фазой B2 (Dąbrowska 1997: Tab. XL: 78.3)¹⁵ (рис. 9а: 4);

— железное кресало (№ 839) (рис. 9а: 6). Кресала подобного типа широко распространены в римское время в Скандинавии (Ilkjær 1996b: taf. 155—180).

Вероятно, все эти предметы изначально находились в футляре из органического материала (поясной сумке из кожи или ткани?), в пользу чего может свидетельствовать обнаруженный вместе с ними бронзовый элемент застежки (№ 840). (рис. 9а: 5). Подобные набо-

¹⁵ Хотелось бы выразить искреннюю благодарность коллеге Агате Хелинской-Драпелле за участие в дискуссии по определению типовой принадлежности данной фибулы, а также за поддержку в проводившейся работе.

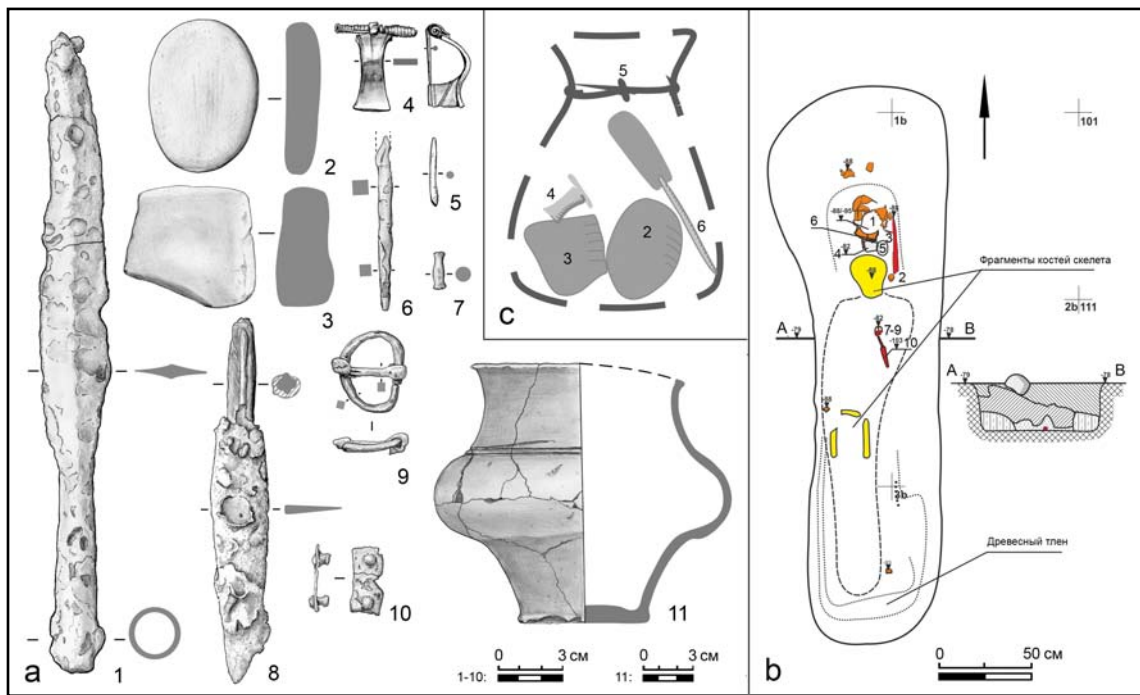

Рис. 9. Погребальный комплекс Gr.Ott.-123: а — находки из Gr.Ott.-123 (1 — наконечник копья железный; 2 — огниво (кварцит); 3 — оселок (песчаник?); 4 — фибула бронзовая; 5 — изделие бронзовое; 6 — кресало железное; 7 — заклепка железная; 8 — нож железный с остатками деревянной рукояти; 9 — пряжка железная; 10 — накладка поясная железная; 11 — сосуд-приставка); б — план донной части и профиль Gr.Ott.-123; с — реконструкция положения предметов из Gr.Ott.-123, возможно, находившихся в поясной сумке.

Fig. 9. Burial complex Gr.Ott.-123: а — finds from Gr.Ott.-123 (1 — iron spearhead; 2 — flint; 3 — whetstone; 4 — bronze fibula; 5 — bronze item; 6 — iron cap; 7 — iron rivet; 8 — iron knife with wooden details; 9 — iron buckle; 10 — iron flange sheet; 11 — ceramic pot); б — plan of bottom level and profile of Gr.Ott.-123; с — reconstruction of arrangement of items from Gr.Ott.-123, probably contained in a bumbag.

ры предметов, помещавшиеся в поясные сумки, часто находят среди болотных жертвоприношений в Скандинавии римского времени, таких, например, как Иллеруп (Шкјæг 1996а: 25—60) (рис. 9: с).

Также в инвентаре Gr.Ott.-123 был обнаружен наконечник железного копья (№835), относящийся к типу V по В.К. Казакивичусу (рис. 9а: 1). На территории соседней Литвы подобные наконечники копий наиболее широко распространены со II по VII вв. Как предполагал В.К. Казакивичус — это общебалтская форма наконечников копий, и они известны на большом пространстве Латвии, Литвы и бывшей Восточной Пруссии (Казакивичус 1988: 48—52).

В районе грудной клетки погребенного находилась железная пряжка (№872), относящаяся к группе D, типу I по Р. Мадыде-Легутко (рис. 9а: 9). Основное время бытования пряжек данного типа в западнобалтской культуре приходится на фазы B2 — B2/C1 (Madyda-Legutko 1986: taf. 7, tab. 9). Непосредственно под пряжкой находились железная поясная накладка (№872а; рис. 9а: 7), железная заклепка (№872в; рис. 9а: 10)

и железный нож с остатками деревянной рукояти (№871; рис. 9а: 8).

Данное погребение принадлежало мужчине-воину и по инвентарю датируется периодом B2/C1 (ок. 150—200 гг.).

В составе безурновой кремации **Gr.Ott.-124** было выявлено небольшое скопление кальцинированных костей (рис. 10с). Датировка данного комплекса не представляется возможной, так как датирующих находок в нем выявлено не было. В погребении был обнаружен только фрагмент стенки керамического лепного сосуда светло-охристого цвета (№819; рис. 10: а).

Не поддается датировке еще одна безурновая кремация **Gr.Ott.-125**, так как в ее составе отсутствовали какие-либо находки (рис. 10d). На дне погребения было выявлено плотное скопление кальцинированных костей круглой в плане формы. Скопление состояло из промытых мелких кальцинированных костей и отдельных костей крупных размеров, среди которых находились кости черепа и фрагменты позвонков. Возможно, останки изначально были помещены в погребение в футляре из органических материалов: в пользу этого

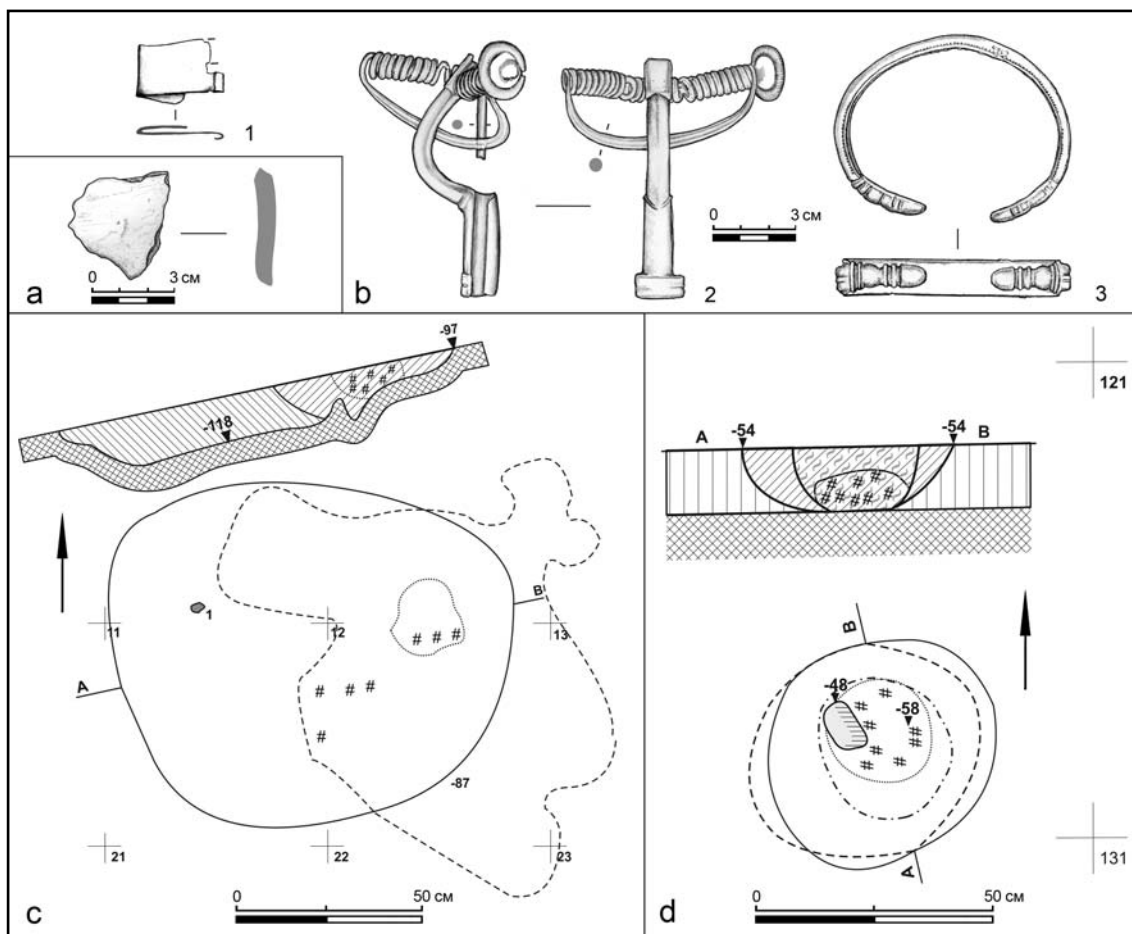

Рис. 10. а — фрагмент стенки толстостенного сосуда керамического лощеного серо-коричневого из погребения Gr. Ott.-124; б — подъемный материал из раскопа №3 могильника Березовка (1 — обоймица бронзовая; 2 — фибула бронзовая; 3 — браслет бронзовый); в — план и профиль объекта Gr.Ott.-124; д — план и профиль объекта Gr.Ott.-125.

Fig. 10. а — fragment of a ceramic glossy grey-brown ceramic pot from Gr. Ott.-124; б — accidental finds from excavation no.3 at Berезovka burial ground (1 — bronze hoop; 2 — bronze fibula; 3 — bronze bracelet); в — plan and profile of Gr.Ott.-124; д — plan and profile of Gr.Ott.-125.

свидетельствуют плотность и четкость границ скопления.

Также в ходе исследований ранней зоны могильника Березовка было обнаружено несколько случайных находок. К ним относились: бронзовый браслет с профилированными концами (№589; рис. 10b: 3), датированный II в.н.э.; бронзовая фибула с крестовидным окончанием ножки (№794; рис. 10b: 2); бронзовая обоймица, по форме похожая на обоймицы позднего этапа Великого переселения народов (№816; рис. 10b: 1).

Заключение

Грунтовый могильник Березовка представляет собой одно из крупнейших полей погребений в микрорегионе, функционировавшее непрерывно на протяжении более 1000 лет, и сравним с самыми известными на сегодняшний день в самбийско-натангийской

культуре полями погребений, такими, как Гребиттен, Доллькайм и т.д., что делает его весьма актуальным объектом для изучения.

По результатам работ в восточной и западной частях памятника можно сделать предварительные выводы о том, что первоначально на данном могильнике могло насчитываться более 500 погребений, при этом практически вся площадь памятника была освоена уже в раннеримское время, по крайней мере, с первой половины II в.н.э., и продолжала использоваться вплоть до позднесредневекового времени (фаза Н — ок. 1050/75 включительно по 1250 гг. — по К. Энгелю с дополнениями и уточнениями Х. Хейма и Й. Хоффмана (Engel 1931: 314; Neum 1938: 102—106; Hoffmann 1941: 123—125)). Согласно данным геофизических исследований, на прилегающей территории может находиться еще не менее 100 непо потревоженных погребальных комплексов.

Данный памятник имеет большое значение для понимания процессов, происходивших в регионе долины реки Преголи во II—XI вв. н.э. Погребальные комплексы римского времени, исследованные на могильнике Березовка в 2004 г., дают нам богатый материал для изучения. Наряду с традиционными для определенных этапов развития самбийско-натангийской культуры римского времени комплексами, на могильнике встречаются и погребения с совершенно новыми элементами погребального обряда, явно свидетельствующие о контактах с другими синхронными культурами. Особенно показательным в данном контексте является погребальный комплекс Gr.Ott.-114.

Исходя из анализа структуры погребения и состава погребального инвентаря комплекса Gr.Ott.-114, а также ряда находок, имеющих аналогии в соседних культурах, из других комплексов могильника Березовка, мы можем сделать вывод о возможном влиянии восточных германцев на местное население, как, впрочем, и на самбийско-натангийскую культуру в целом. Появление новых элементов погребального обряда и погребального инвентаря, как на могильнике Березовка, так и на других могильниках, по нашему мнению, является отражением подобных культурных влияний, возникших в результате функционирования участка торгового пути по Преголе¹⁶ в конце II — начале III вв. н.э. Рассмотрим эту гипотезу подробнее.

Вполне вероятным представляется предположение о том, что подобного рода погребальные комплексы могли возникнуть под влиянием носителей пшеворской культуры, вытесненных в результате экспансии вельбаркской культуры и влившихся в состав соседних культур, таких, как богачевская и самбийско-натангийская. Контакты зарождающейся самбийско-натангийской культуры с пшеворской известны и в более ранние периоды, тогда как контакты с вельбаркской культурой прослеживаются только начиная с фазы B2 (Nowakowski 1996: 98—101; Andrzejowski, Cieśliński 2007: рис. 2). Скорее всего, в период развития наивысшего спроса на янтарь в Риме, приходящийся на время правления Нерона и некоторое время позже, провинциальные римские торговцы в своих контактах ограничивались ареалом пшеворской культуры и не затрагивали территорий западных балтов. Судя по всему, носители пше-

ворской культуры контролировали янтарную торговлю вплоть до Маркоманнских войн, начавшихся в 167 г. н.э., в которых принимали участие в том числе и ее представители. Война носила затяжной характер, в 175 г. был заключен мир, по которому варвары признали римский протекторат, и на их территориях разместились римские гарнизоны (Машкин 1956: 452—456). Пшеворская общность, как представляется, была значительно ослаблена затяжным военным противостоянием, и из-за этого ее вытеснили со своих территорий представители соседней вельбаркской культуры. Ее носители в период B2/C1 переселяются на часть пшеворских территорий из «зон В и С» и, по всей вероятности, продвигаются на восток, заселяя «зону Е» — правобережную Мазовию и Подлясье, междуречье Вислы и Буга, поречья Вкры и Нарева (Wołagiewicz 1981: 83, 84, t. 1; Щукин 1994: 247). Этот факт подкрепляется археологическими данными, так как практически половина памятников в «зоне Е», заложенных изначально как пшеворские, продолжает функционировать как вельбаркские, при этом на данных территориях появляется ряд новых могильников, возникших уже исключительно как вельбаркские (Щукин 1994: 247; Белевец 2007). Представляется вполне вероятным, что небольшая часть племен пшеворской культуры, смещенная волной вельбаркских переселенцев, могла влиться в состав соседних культур, таких, как богачевская и самбийско-натангийская. В пользу этого свидетельствует большая часть металлических находок из ареала этих культур, имеющая многочисленные аналогии в материалах пшеворской культуры периода Маркоманнских войн и несколько позднее.

Итак, после того, как контроль над первым участком торгового Янтарного пути, проходившим от Самбии по побережью Вислинского залива к дельте р. Висла, после Маркоманнских войн перешел к представителям вельбаркской культуры, занявшим пшеворские территории, вполне логичным представляется, что носители пшеворской культуры, являвшиеся до этого активными участниками янтарной торговли, переселившись, искали новые пути для доставки янтаря к римским провинциям. В процессы поиска и освоения носителями пшеворской культуры новых маршрутов янтарной торговли, соответственно, вовлекались и представители богачевской и самбийско-натангийской культур, на территории которых они переселились, что не могло не сказаться положительно на развитии данных культур. Все эти

¹⁶ Речь идет о древней субречной системе Преголя-Неман в раннеримское время (Żulkus 2006: 17 ff.).

факторы способствовали развитию в конце II в. н. э. второго участка Янтарного пути к истокам Преголи и далее в ареал богачевской культуры. Одним из важнейших последствий данных процессов является появление в долине реки Преголи целого ряда новых могильников (Okulicz 1973: 367). Многочисленные находки редких римских импортов на данных территориях, появляющиеся наряду с традиционными категориями римских импортов, также очевидно свидетельствуют в пользу активного функционирования второго участка Янтарного пути. В качестве примера таких находок можно привести кинжал-*pugio* из Альт-Илишкена, фрагментированную чашу *terra sigillata* из погребения у Кляйн Флисс, *tintinnabulum* из Фридрихсталя, бронзовый римский умбон, который входил в состав клада вместе с 32 римскими медными монетами, и т. д. (Brinkmann 1900: Abb. 1; Heydeck 1900: 57—60; Bolin 1926: 209; Gaerte 1929: Abb. 159: c, e-g; Raddatz 1993: Abb. 8; Nowakowski 1996: Taf. 92: 1, 99: 8; 102: 2). Как представляется, возникновение в римское время подобных Березовке обширных полей погребений в бассейне реки Преголя, с комплексами, содержащими большое количество инвентаря, несомненно, связано с функционированием одного из участков торгового Янтарного пути, проходившего по этой реке и наиболее активно использовавшегося именно в римское время.

Следует отметить, что все вышеизложенные построения, несмотря на имеющиеся в нашем распоряжении факты, носят в некоторой степени гипотетический характер, так как для окончательных заключений требуются дополнительные серьезные исследования и привлечение всей имеющейся на сегодняшний день информации по данному вопросу. Это является одним из аргументов в пользу проведения дальнейших полноценных исследований могильника Березовка и введения в научный оборот уже имеющейся о нем информации, включая и сохранившиеся архивные материалы, которые до сих пор не были опубликованы. Дальнейшее изучение могильника Березовка представляется тем более актуальным на фоне того факта, что количество современных публикаций, посвященных памятникам римского времени в долине реки Преголи на территории Калининградской области, весьма незначительно. Материалы многочисленных раскопок первой половины XX века в большинстве случаев остались неопубликованными. Большая часть довоенных находок и полевой документации пропала в конце Второй мировой войны, в связи с чем изучение и последующая публикация сохранившихся архивных материалов по довоенным исследованиям, равно как и новые археологические исследования, внесли бы значительный вклад в изучение местных древностей римского времени.

Литература

- Белевец В. 2007. Могильник Брест-Тришин: 30 лет по окончании раскопок. *Acta archaeologica Albaruthenica* 1. Мінск, 49—86.
- Казакевичус В. К. 1988. *Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы*. Вильнюс: Мокслас.
- Машкин Н. А. 1956. *История древнего Рима*. 2-е изд. Москва: Политиздат.
- Скворцов К. Н. 2004. *Отчет по раскопкам грунтового могильника Березовка — Гросс Оттенхаген Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 году*. Архив ИА РАН. Р-1.
- Скворцов К. Н. 2010. Могильник Митино V—XIX вв. (Калининградская область). *Материалы охраняемых археологических исследований* 15. Москва: Тверская областная типография.
- Скворцов К. Н., Ибсен Т. 2010. Подкурганное захоронение всадника конца II в. н. э. из могильника Березовка/Гросс Оттенхаген. *Germania-Sarmatia* II. Калининград; Курск, 247—267.
- Шукин М. Б. 1994. *На рубеже эр*. Санкт-Петербург: Фарт.
- Almgren O., Nerman B. 1923. *Die ältere Eisenzeit Gotlands: Nach den in Statens historiska Museum, Stockholm, aufbewahrten Funden und Ausgrabungsberichten ... dargestellt*. Stockholm: Stockh.
- Andersson K. 1995. *Romartida guldsmide i Norden III. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper*. Aun 21. Thesis (doctoral). Uppsala: Societas Archaeologica Upsaliensis.
- Ardwisson G. 1941. *Brillingsfyndet*. Upland. Uppsala.
- Beckmann C. 1969. Metallfingerringe der Römischen Kaiserzeit im freien Germanien. *Saaleb. Jahrbuch*. Berlin, 5—106.
- Bolin S. 1926. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen. *Prussia* 26. Königsberg, 203—240.
- Brinkmann A. 1900. Fund von Terra Sigillata in Ostpreussen. *Prussia* 21. Vereinsjahre 1896—1900. Königsberg, 71—77.
- Chilińska-Drapella A. 2010. Próba nowego spojrzenia na „pasy sambijskie”. *Wiadomości Archeologiczne* LXI. Warszawa, 9—11.
- Engel C. 1931. Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen. *Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae*, 19.—23. VIII 1930. Rigae, 313—336.
- Gaerte W. 1929. *Urgeschichte Ostpreußens*. Königsberg: Gräfe und Unzer.
- Godłowski K. 1970. *The chronology of the Late Roman and early migration periods in Central Europe*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Godłowski K. 1985. *Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim*. Wrocław.
- Godłowski K. 1988. Problemy chronologii okresu rzymskiego. *Scripta Archaeologica*. Varia UJ. T. 231. Kraków, 27—49.
- Heym H. 1938. *Das Gräberfeld Zohpen. Ein Beitrag zur Volks- und Kulturgeschichte des nördlichen ost-*

№4. 2014

- preußischen Binnenlandes von 400 n. Ztrw. Bis zur Ordenszeit. Diss. Bibliotheka Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. №9177.
- Heydeck J. 1900. Eine Kultur- und Graberstelle in Forsterei Kl. Fließ, Kreis Labiau. *Prussia* 21. Königsberg, 57—60.
- Hoffmann J. 1941. *Die spätheidnische Kultur des Memellandes (10.—12. Jahrh. N. d. Zw.)*. Königsberg; Berlin: Ost-Europa-Verlag.
- Hoffmann M.J. 1999. *Źródła do kultury i osadnictwa południowo-wschodniej strefy nadbałtyckiej w I tysiącleciu p.n.e.* Rozprawy i materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, nr. 177. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie.
- Ibsen T. 2003. *Das kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen im Kaliningrader Gebiet*. Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des Grades eines Magister Artium (M.A.) der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Kiel.
- Ibsen T., Skvorzov K. 2004. Das Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen — Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrader Gebiet. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd. 85. Mainz.
- Ilkjær J. 1996a. Illerup Ådal. Die Prachtausrüstungen. *Jutland Arch. Soc. Publ.* 25 (3). Aarhus.
- Ilkjær J. 1996b. Illerup Ådal Die Prachtausrüstungen. *Jutland Arch. Soc. Publ.* 25 (4). Aarhus.
- Jankuhn Archiv. Archäologischen Landesmuseum, Schleswig.
- Jamka R. 1964. Fibule typu oczkowatego w Europie Środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem polskich. *Materiały Starożytne* X. Warszawa, 61—19.
- Jankuhn H. 1933. Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande. *Prussia* 30. Königsberg, 166—201.
- Jazdzewski K. 1980. Die frühesten Staatsgebilde im Oder-Weichsel-Gebiet. *Die vorrömische Eisenzeit im Katttegatgebiet und in Polen*. Göteborg.
- La Baume W. 1944. Altpreußische Zaumzeug. *Alt Preußen* 9 (1/2). Königsberg, 2—19.
- Machajewski H. 1998. Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg* 5. 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Wünsdorf, 187—196.
- Madyda-Legutko R. 1986. *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. BAR International Series 360. Oxford.
- Nowakowski W. 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. In: Carnap-Bornheim C., von (ed.). *Veröffentlichungen des Vorgesellschaftlichen Seminars Marburg* 10. Marburg: Vorgesellschaftliches Seminar der Philipps-Univ.
- Nowakowski W. 2008. Die frühesten Steibügel aus Preußen. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland. *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II*. Lublin, 189—211.
- Okulicz J. 1988. Problem ceramiki typu praskiego w grupie olsztyńskiej kultury zachodniobałtyjskiej (VI—VII w.n.e.) *Pomorania Antiqua* XIII, 103—133.
- Okulicz J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e.* Monografie dziejów społecznych i politycznych Warmii i Mazur, 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Pietrzak M. 1997. *Pruszcz Gdański: Fundstelle 10, ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern*. Monumenta archaeologica barbarica 4. Kraków: Secesja.
- Raddatz K. 1957. *Der Thorsberger Moorfund; gürtelteile und körperschmuck*. Offa-Bücher 13. Neumünster: K. Wachholtz.
- Raddatz K. 1993. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen. *Offa* 49/50. Neumünster, 127—187.
- Schindler R. 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum. *Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte*. Bd. 6. Leipzig, 576—578.
- Skvorzov K.N. 2013. The formation of patrimonial elite of Sambian-Natangian culture in Roman Period in the context of amber trade. *Archaeologia Baltica* 18 (2), 167—191.
- Tamulynas L. 2002. Miestelių kapinynas. *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2001 m.* Vilnius, 130—131.
- Tempelmann-Maczyńska M. 1985. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Römisch-Germanische Forschungen 43. Mainz.
- Wilbers-Rost S. 1990. *Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera: Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des „Zaumzeugs mit Zugelketen“*. Veröffentlichungen der urgeschichtlichen Sammlungen des Landesmuseums zu Hannover 44. Oldenburg.
- Wołagiewicz R. 1981. Kultura wielbarska: problemy interpretacji etnicznej. In: *Problemy kultury wielbarskiej*. Skupsk, 79—106.
- Wołagiewicz R. 1987. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań. *Archaeologia Polski* XXXII (1). Warszawa, 169—208.
- Wołagiewicz R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym = Die Tongefäße der Wielbark-Kultur im Raum zwischen Ostsee und Schwarzen Meer*. Szczecin: Muzeum Narodowe w Szczecinie.
- Wołagiewicz R. 1995. *Lubowidz: Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. v. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. n. Chr.* Monumenta archaeologica barbarica 1. Kraków: Secesja.
- Zinoviev A.V. 2009. Horses from two burials in Samland and Natangen (Second century, Kaliningradskaya Province, Russia). *Archaeologia Baltica* 11. Klaipėda, 50—55.
- Žulkus V. 2006. The Lower Reaches of the Nemunas (Memel) and Prieglius (Pregel). *The Settlement Situation at the Lower Reaches in the 6th—11th Centuries*. M. Bertašius ed. *Transformatio Mundi. The Transitions from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas: Kaunas University of Technology, Department of Philosophy and Cultural Science, 17—24.

References

- Beliaevs, V. 2007. In *Acta archaeologica Albaruthenica* 1. Minsk, 49—86 (in Russian).
- Kazakiavichus, V. K. 1988. *Oruzhie baltskikh plemen II—VIII vekov na territorii Litvy (Armament of Baltic tribes from 2nd—8th centuries on the territory of Lithuania)*. Vilnius: Moksas (in Russian).
- Mashkin, N. A. 1956. *Istoriia drevnego Rima (History of Ancient Rome)*. 2-e izd. Moscow: Politizdat (in Russian).
- Skvorzov, K. N. 2004. *Otchet po raskopkam gruntovogo mogil'nika Berezovka — Gross Ottenkhagen Sambiisko-Natangiiskoi arkeologicheskoi ekspeditsiei v 2003 godu (Report on the excavations of the ground necropolis Berezovka — Groß Ottenhagen by the Sambian-Natangian archaeological expedition in 2003)*. Arkhiv Instituta arkeologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1 (in Russian).
- Skvorzov, K. N. 2010. In *Materialy okhrannykh arkeologicheskikh issledovaniy (Materials of rescue archaeological investigations)* 15. Moscow: Tverskaia oblastnaia tipografiia (in Russian).

- Skvorzov, K. N., Ibsen, T. 2010. In *Germania-Sarmatia* II. Kaliningrad; Kursk, 247—267 (in Russian).
- Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er (On the Turn of Erae)*. Saint Petersburg: Farn (in Russian).
- Almgren, O., Nerman, B. 1923. *Die ältere Eisenzeit Gotlands: Nach den in Statens historiska Museum, Stockholm, aufbewahrten Funden und Ausgrabungsberichten ... dargestellt*. Stockholm: Stockh.
- Andersson, K. 1995. *Romartida guldsmede i Norden III. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper*. Aun 21. Thesis (doctoral). Uppsala: Societas Archaeologica Upsalensis.
- Ardwisson, G. 1941. *Brillingefyndet*. Uppland. Uppsala.
- Beckmann, C. 1969. Metallfingerringe der Römischen Kaiserzeit im freien Germanien. *Saalburg Jahrbuch*. Berlin, 5—106.
- Bolin, S. 1926. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen. *Prussia* 26. Königsberg, 203—240.
- Brinkmann, A. 1900. Fund von Terra Sigillata in Ostpreussen. *Prussia* 21. *Vereinsjahre 1896—1900*. Königsberg, 71—77.
- Chilińska-Drapella, A. 2010. Próba nowego spojrzenia na „pasy sambijskie”. *Wiadomości Archeologiczne* LXI. Warszawa, 9—11.
- Engel, C. 1931. Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen. *Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae*, 19.—23. VIII 1930. Rigae, 313—336.
- Gaerte, W. 1929. *Urgeschichte Ostpreußens*. Königsberg: Gräfe und Unzer.
- Godłowski, K. 1970. *The chronology of the Late Roman and early migration periods in Central Europe*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Godłowski, K. 1985. *Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim*. Wrocław.
- Godłowski, K. 1988. Problemy chronologii okresu rzymskiego. *Scripta Archaeologica*. Varia UJ. T. 231. Kraków, 27—49.
- Heym, H. 1938. *Das Gräberfeld Zohpen. Ein Beitrag zur Volks- und Kulturgeschichte des nördlichen ostpreußischen Binnenlandes von 400 n. Ztrw. Bis zur Ordenszeit*. Diss. Bibliotheka Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. №9177.
- Heydeck, J. 1900. Eine Kultur- und Graberstelle in Forsterei Kl. Fließ, Kreis Labiau. *Prussia* 21. Königsberg, 57—60.
- Hoffmann, J. 1941. *Die spätheidnische Kultur des Memellandes (10.—12. Jahrh. N. d. Zw.)*. Königsberg; Berlin: Ost-Europa-Verlag.
- Hoffmann, M. J. 1999. *Źródła do kultury i osadnictwa południowo-wschodniej strefy nadbałtyckiej w I tysiącleciu p.n.e.* Rozprawy i materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, nr. 177. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie.
- Ibsen, T. 2003. *Das kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen im Kaliningrader Gebiet*. Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des Grades eines Magister Artium (M.A.) der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Kiel.
- Ibsen, T., Skvorzov, K. 2004. Das Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen — Ein wiederentdeckter Bestattungsort des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrader Gebiet. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd. 85. Mainz.
- Ilkjær, J. 1996. Illerup Ådal. Die Prachtausrüstungen. *Jutland Arch. Soc. Publ.* 25 (3). Aarhus.
- Ilkjær, J. 1996. Illerup Ådal Die Prachtausrüstungen. *Jutland Arch. Soc. Publ.* 25 (4). Aarhus.
- Jankuhn Archiv*. Archäologischen Landesmuseum, Schleswig.
- Jamka, R. 1964. Fibule typu oczkowatego w Europie Środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem polskich. *Materiały Starożytne* X. Warszawa, 61—19.
- Jankuhn, H. 1933. Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande. *Prussia* 30. Königsberg, 166—201.
- Jazdzewski, K. 1980. Die frühesten Staatsgebilde im Oder-Weichsel-Gebiet. *Die vorrömische Eisenzeit im Kattegatgebiet und in Polen*. Göteborg.
- La Baume, W. 1944. Altpreußische Zaumzeug. *Alt Preußen* 9 (1/2). Königsberg, 2—19.
- Machajewski, H. 1998. Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg* 5. 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Wünsdorf, 187—196.
- Madyda-Legutko, R. 1986. *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. BAR International Series 360. Oxford.
- Nowakowski, W. 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. In: Carnap-Bornheim C., von (ed.). *Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg* 10. Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität.
- Nowakowski, W. 2008. Die frühesten Steibügel aus Preußen. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland. *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II*. Lublin, 189—211.
- Okulicz, J. 1988. Problem ceramiki typu praskiego w grupie olsztyńskiej kultury zachodniobałtyjskiej (VI—VII w.n.e.) *Pomorania Antiqua* XIII, 103—133.
- Okulicz, J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e.* Monografie dziejów społecznych i politycznych Warmii i Mazur, 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Pietrzak, M. 1997. *Pruszcz Gdański: Fundstelle 10, ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern*. Monumenta archaeologica barbarica 4. Kraków: Secesja.
- Raddatz, K. 1957. *Der Thorsberger Moorfund; gürtelteile und körperschmuck*. Offa-Bücher 13. Neumünster: K. Wachholtz.
- Raddatz, K. 1993. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen. *Offa* 49/50. Neumünster, 127—187.
- Schindler, R. 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum. *Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte*. Bd. 6. Leipzig, 576—578.
- Skvorzov, K. N. 2013. The formation of patrimonial elite of Sambian-Natangaian culture in Roman Period in the context of amber trade. *Archaeologia Baltica* 18 (2), 167—191.
- Tamulynas, L. 2002. Miestelių kapinynas. *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2001 m.* Vilnius, 130—131.
- Tempelmann-Maczyńska, M. 1985. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Römisch-Germanische Forschungen 43. Mainz.
- Wilbers-Rost, S. 1990. *Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera: Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des „Zaumzeugs mit Zugketten“*. Veröffentlichungen der urgeschichtlichen Sammlungen des Landesmuseums zu Hannover 44. Oldenburg.
- Wołagiewicz, R. 1981. Kultura wielbarska: problemy interpretacji etnicznej. In: *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 79—106.
- Wołagiewicz, R. 1987. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań. *Archeologia Polski* XXXII (1). Warszawa, 169—208.
- Wołagiewicz, R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym = Die Tongefäße der Wielbark-Kultur im Raum zwischen Ostsee und Schwarzen Meer*. Szczecin: Muzeum Narodowe w Szczecinie.
- Wołagiewicz, R. 1995. *Lubowidz: Ein birtuelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. v. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. n. Chr.* Monumenta archaeologica barbarica 1. Kraków: Secesja.
- Zinoviev, A. V. 2009. Horses from two burials in Samland and Natangen (Second century, Kaliningradskaia Province, Russia). *Archaeologia Baltica* 11. Klaipeda, 50—55.
- Žulkus, V. 2006. The Lower Reaches of the Nemunas (Memel) and Prieglius (Pregel). *The Settlement Situation at the Lower Reaches in the 6th—11th Centuries*. M. Bertašius ed. *Transformatio Mundi. The Transitions from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas: Kaunas University of Technology, Department of Philosophy and Cultural Science, 17—24.

Статья поступила в номер 22 февраля 2013 г.

Konstantin Skvorzov (Kaliningrad, Russia). Master. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Konstantin Skvorzov (Kaliningrad, Rusia). Magistru. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Скворцов Константин Николаевич (Калининград, Россия). Магистр. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: sn_arch_exp@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia